

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как настоятель монастыря замыслил овладеть буддийской драгоценностью — рясой и как Дух горы Черного ветра похитил эту драгоценность

Итак, Сюань-цзан подстегнул своего коня и вместе со своим учеником поспешил к видневшимся вдали храмовым постройкам. Приблизившись к воротам, они действительно убедились в том, что это монастырь.

Был монастырь на этом горном склоне,

Изящные беседки здесь стояли,

И шли от павильона к павильону

Террасы многоцветными слоями...

Прославивший утехы и отраду —

Огромный зал окутан облаками,—

И радужные клубы за ограду

Сквозь стройные ворота проникали.

Тенистые сосновые аллеи,

Бамбука купы окружали зданья,

Годов не замечая, не старея,

Они вовек не знати увяданья...

Среди акаций гордо и спокойно

Столетние вздымались кипарисы.

На пагоды взгляни и колокольни —

На их верхушках облака повисли...

Не потревожит суeta мирская —

Монахи могут в думы углубиться,

Шумит, шумит листва, не умолкая,

В ветвях поют, не умолкая, птицы.

Покой, что для молений предназначен,

Как никакой иной, и чист и светел,

И духу безграничную прозрачность
Способна дать одна лишь добродетель.

Они хотели было войти в ворота, но в этот момент оттуда вышли монахи. И вы только посмотрите, как они выглядели:

Высокие шапки
Головы украшали,
На них белоснежные
Были халаты надеты,
Неспешно шагали,
Качались у них под ушами
Из меди блестящей и красной
Литые браслеты.
И шелком крученым
Они затянули у талий
Широкие полы
Одежды изящной и скромной,
И ноги усталые
Туго обули в сандалии,
Искусно сплетенные ими
Из прочной соломы
И каждый рукою
Держал барабан деревянный,
И в такт песнопеньям
Монахи по ним колотили.
И видел любой,
Что молитвы твердя непрестанно,
Монахи служению Будде

Себя посвятили.

Завидев монахов, Сюань-цзан почтительно посторонился и приветствовал их. Монахи поспешили ответить на приветствие и, улыбаясь, сказали:

— Простите, что не заметили вас. Откуда путь держите? — и пригласили гостя в келью настоятеля выпить чаю.

— Ваш покорный слуга едет из Китая по высочайшему повелению в храм Раскатов грома для того, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Сейчас поздно, вот мы и решили обратиться к вам с просьбой приютить нас на ночлег.

— Пожалуйста, сделайте милость, заходите, — снова пригласил их монах.

Тогда Сюань-цзан велел Сунь У-куну ввести коня. Между тем монах только сейчас как следует разглядел Сунь У-куна и был настолько поражен его видом, что с опаской спросил:

— Скажите, пожалуйста, что это за существо такое?

— Говорите потише,— предупредил Сюань-цзан.— Этот парень очень горяч. И если ему покажется, что вы сказали что-нибудь не так, он тут же подымет скандал. Это — мой ученик.

У монаха от этих слов даже мороз пошел по коже, и он, покусывая пальцы, сказал:

— Как же вы решились взять такое чудовище к себе в ученики?

— Ну, вы его не знаете,— отвечал Сюань-цзан.— Вид у него действительно безобразный, но он приносит мне большую пользу.

Все втроем они вошли во двор, где помещался центральный храм с надписью, сделанной крупными иероглифами: «Храм созерцания бодисатвы Гуаньинь». Увидев это, Сюань-цзан очень обрадовался:

— Бодисатва много раз оказывала мне милости, но до сих пор я не имел возможности поклониться ей в знак благодарности. И вот сейчас мне представляется счастливый случай. Вознести благодарность в этом храме все равно, что совершить моление перед самой бодисатвой.

Тут монах подозвал послушника, велел ему открыть двери храма и пригласил Сюань-цзана войти и совершить поклонение. Сунь У-кун, положив вещи на землю и привязав коня, тоже вошел в храм.

Подойдя к золотой статуе бодисатвы, Сюань-цзан благоговейно распростерся перед ней. В этот момент монах начал бить в барабан, а Сунь У-кун стал звонить в колокол. Сюань-цзан, распростершись перед алтарем, возносил самые горячие молитвы. Наконец он умолк, монах перестал бить в барабан, а Сунь У-кун все звонил и звонил. Удары то учащались, то становились реже.

— Зачем же бить в колокол, если моление уже закончено? — наконец не вытерпев, заметил монах.

Тут только Сунь У-кун бросил молоток и, улыбаясь, сказал:

— Да кто вас там разберет! Мне что, я, как говорится, отзвонил и с колокольни долой!

Между тем барабанный бой и колокольный звон переполошили всех обитателей монастыря, и они все, независимо от звания и положения, высыпали из своих келий и, столпившись, встревоженно говорили:

— Что за дикарь бьет в колокол и колотит в барабан?!

Выскочив из храма, Сунь У-кун крикнул:

— К вашим услугам почтенный Сунь У-кун! Это я, видите ли, немножко позабавился.

Увидев его, монахи пали ниц и, ползая перед ним на коленях, восклицали:

— Отец наш, Бог грома!

— Ну, Бог грома мне приходится праправнуком! — возразил на это Сунь У-кун. — Встаньте! Вам нечего бояться меня. Мы — священнослужители великой империи Танов и прибыли сюда из Китая.

Но монахи успокоились лишь после того, как увидели Сюань-цзана. Среди них был сам настоятель монастыря.

— Прошу вас, почтенные, пройти в келью, что позади храма, и выпить чаю, — пригласил он гостей.

Сунь У-кун взял вещи, отвязал коня и, ведя его под уздцы, вместе со всеми обошел главный храм и вошел в находившееся позади жилое помещение. Здесь все расселись по старшинству.

Настоятель велел принести чай и закуски. Было еще не поздно, когда они закончили трапезу.

Не успел Сюань-цзан отблагодарить за радужный прием, как из внутреннего помещения вышел старей монах, поддерживаемый под руки двумя послушниками.

На голове у старца верх убора

Опаловыми выложен камнями,

Из тонкой золотой парчи оборки

Шерсть рясы бирюзовой окаймляли.

С лишаньской богиней престарелой

Был внешне схож. Светился ум во взоре,

И так же пронизательно смотрел он,

Как яростный дракон в Восточном море.

Зубов немного у него осталось,

И был всегда открытым рот щербатый,

Сухое тело так согнула старость,

Как будто был он смолоду горбатым.

— Наставник пришел,— раздались голоса.

— Почтенный наставник, разрешите приветствовать вас! — низко склонившись, промолвил Сюань-цзан, поспешив навстречу монаху.

Священнослужитель ответил на приветствие, и они уселись, как и полагалось, по старшинству.

— Мои послушники сказали мне о том, что к нам прибыл из Китая посланец Танского императора,— промолвил наставник.— И я поспешил приветствовать вас, почтенный отец.

— Простите великодушно за то, что мы без предупреждения нарушили ваш покой,— отвечал Сюань-цзан.

— Стоит ли об этом говорить! — возразил монах.— Скажите, пожалуйста, далеко отсюда до Китая?

— От Чанъаня до границы я проехал более пяти тысяч ли,— отвечал Сюань-цзан.— Когда проезжал через Пограничную гору, небо послало мне ученика. Мы миновали Западное государство Хами, ехали два месяца, затем проделали еще пять-шесть тысяч ли, и вот очутились в этих местах.

— Значит, всего вы проехали десять тысяч ли,— сказал наставник.— А я так и прожил свою жизнь, никогда не выезжая из монастыря. Вот уж поистине живешь как бесплодная смоковница, сидишь, словно в колодце, и видишь только клочок неба над собой.

— А разрешите спросить, сколько вам лет, почтенный наставник? — спросил Сюань-цзан.

— Да вот исполнилось двести семьдесят,— отвечал наставник. — Значит, ты приходишься мне праправнуком,— вмешался в разговор Сунь У-кун.

— Веди себя пристойнее! — одернул его Сюань-цзан, покосившись на него.— Надо думать, когда говоришь. Тебе бы только оскорблять человека.

— А сколько вам, почтенный господин, лет? — в свою очередь спросил Сунь У-куна наставник.

— Мне? Трудно даже сказать! — произнес Сунь У-кун. Наставнику этот ответ показался неучтивым, он не стал больше обращаться к Сунь У-куну и велел подать чаю. Расторопный послушник вытащил блюдо из белоснежной яшмы и три синих с золотым ободком чашки. Второй послушник налил всем из медного чайника душистого чаю. Аромат его был настолько восхитителен, что с ним не могли сравниться даже цветы коричневого дерева.

— Какой прекрасный напиток! Какие чудесные сосуды! — не переставал восторгаться Сюань-цзан.

— Да вы просто льстите нам! — сказал наставник.— Вы прибыли сюда из великой страны, где, несомненно, много редкостных вещей, так стоит ли говорить о какой-то посуде. Вы, конечно, везете с собой какие-нибудь драгоценности, не сообразовали ли показать их нам?

— К великому сожалению,— промолвил Сюань-цзан,— ничего особенно примечательного у меня на родине нет. А если бы даже и было, я все равно не смог бы взять это с собой в такой дальний путь.

— Учитель,— вступил тут в разговор Сунь У-кун.— А разве ряса, которую я видел в вашем узле несколько дней тому назад, не драгоценность? Почему бы не показать ее?

Тут монахи ехидно улыбнулись.

— Что рассмешило вас? — спросил Сунь У-кун.

— Да это действительно смешно,— отвечал наставник.— Разве ряса это драгоценность? У каждого из нас есть не меньше двадцати — тридцати ряс. А вот у меня за двести шестьдесят лет службы здесь накопилось штук восемьсот! Принесите-ка их, покажем гостям! — приказал он.

Монаху очень хотелось похвастаться своим богатством. Он позвал работников и приказал им открыть кладовые. Монахи вытащили ящиков двенадцать, поставили их посреди двора и стали вытаскивать оттуда рясы, встряхивая и развешивая их на веревках. Весь двор и стены сверкали шелком, золотом, парчой.

Сунь У-кун внимательно осмотрел все рясы. Они были поистине великолепны. Но он с улыбкой сказал:

— Замечательно! Однако уберите все это. Теперь мы покажем то, что есть у нас!

— Ученик,— тихонько сказал Сюань-цзан, одернув Сунь У-куна,— нам не следовало бы хвастаться. Мы на чужбине, одни, как бы чего не случилось.

— Да что может случиться от того, что они посмотрят рясу? — возразил Сунь У-кун.

— Ты многого не понимаешь,— сказал ему Сюань-цзан.— Еще в старину говорили: «Никогда не показывай драгоценности жадным, завистливым людям». У завистливого человека непременно появится желание во что бы то ни стало завладеть твоей драгоценностью. Ты играешь с огнем! Смотри, не накликай на себя беды! Тут можно и жизни лишиться.

— Успокойтесь,— промолвил Сунь У-кун,— и предоставьте все мне!

Тут он без дальнейших разговоров быстро подошел к узлу, развязал его, и сразу же вокруг разлилось лучезарное сияние. А когда Сунь У-кун развернул два слоя промасленной бумаги, в которую была упакована ряса, и вынув ее, встряхнул, все помещение засияло и чудесный аромат разлился в воздухе. Все так и замерли от восхищения. И надо сказать, что ряса была поистине великолепна:

Повсюду перлы драгоценные разбросаны,

Они на нити длинные нанизаны,

Применены таинственные способы,

Чтоб свет их всю материю пронизывал.

И бородатые драконы извиваются,

И по краям блестит кайма волнистая,

При виде рясы в Преисподнюю спускаются

Мгновенно духи злобные, нечистые.

Наставник был пленен и взволнован. Приблизившись к Сюань-цзану и опустившись перед ним на колени, он со слезами в голосе воскликнул:

— Что за несчастная судьба у меня!

— Почему вы так говорите, уважаемый наставник? — спросил Сюань-цзан, помогая ему подняться.

— Ну, сами посудите, разве это не так? Не успел этот почтенный человек развернуть драгоценность, как вокруг потемнело. А в сумерках глаза мои ничего не видят.

— В таком случае надо принести фонарь, — посоветовал Сюань-цзан.

— Ваша драгоценность, почтенный отец, — сказал на это наставник, — сама излучает сияние. А если зажечь фонарь, то можно будет просто ослепнуть. Разве рассмотришь как следует?

— Ну, а где бы вы хотели полюбоваться ею? — спросил Сунь У-кун.

— Если выбудете столь любезны, почтенный отец, и разрешите мне взять ее к себе в келью, то я буду созерцать ее всю ночь, а завтра утром, когда вы соберетесь в путь, верну ее вам. Каково будет ваше просвещенное мнение?

Услышав это, Сюань-цзан испугался и сердито сказал Сунь У-куну:

— Вот что ты наделал!

— Да что его бояться? — улыбаясь отвечал Сунь У-кун. — Я сейчас заверну ряску и пусть берет. А если что-нибудь случится, я отвечаю.

Сюань-цзану ничего не оставалось, как передать ряску наставнику.

— Пожалуйста, возьмите, — сказал он. — Только, прошу вас, обращайтесь с ней осторожно, не попортите, не испачкайте.

Наставник пришел в восторг, велел послушнику отнести ряску к нему в келью, а монахам приказал прибрать в храме, постелить две циновки и приготовить гостям постель: пусть хорошенько отдохнут. Кроме того, он распорядился на утро приготовить завтрак, чтобы достойно проводить гостей. Наконец все разошлись отдыхать. О том, как Сюань-цзан со своим учеником ушел в храм, затворил двери и лег спать, мы пока говорить не будем.

Расскажем сейчас лучше о том, как наставник, выпросив ряску, зажег светильник у себя в келье и стал рассматривать ее. Любуясь этой великолепной вещью, наставник предавался полному отчаянию, плакал, стонал и так переполошил послушников, что те не решались идти спать. Не зная, что делать, они пошли к монахам и сказали:

— Наш отец наставник проплакал до второй стражи и до сих пор не спит.

Тогда два любимых ученика наставника решили пойти к своему учителю и узнать, что случилось.

— Отец наставник,— молвили они, придя к нему.— Почему вы так убиваетесь?

— Мне очень горько, что я не могу вдоволь налюбоваться такой драгоценностью,— отвечал им наставник.

— Зачем так убиваться? — спросили ученики.— Вы, уважаемый отец, немало прожили на свете, многое повидали. Ведь ряса лежит перед вами, и можете любоваться ею сколько угодно.

— Времени очень мало,— промолвил наставник.— В этом году мне исполнилось двести семьдесят лет. Те несколько сот ряс, которые мне удалось приобрести, ничего не стоят в сравнении с этой. А вот как достать такую драгоценность, как стать Танским монахом?

— Ну, тут вы, почтенный отец, неправы,— сказали в один голос ученики.— Танский монах покинул родину и пустился странствовать. Вам же, в столь почтенном возрасте, следовало бы довольствоваться своим высоким саном. Разве можете вы думать о том, чтобы пуститься в такое путешествие?

— Хотя остаток моей жизни я провожу здесь в покое и радости и наслаждаюсь природой, меня все же огорчает то, что я никогда не смогу надеть такой рясы. Если бы мне удалось поносить ее хотя бы день, я мог бы умереть спокойно с сознанием того, что не зря прожил жизнь.

— Все это пустяки! — сказали монахи.— Если вам так уж хочется поносить эту рясу, это вовсе не трудно сделать. Мы можем задержать монаха. Захотите день ее поносить — задержим на день. Захотите десять — задержим на десять, и все будет в порядке. Зачем же так страдать?

— Не этого я хочу,— продолжал наставник.— Пусть даже вам удастся задержать его на год, в таком случае я смогу носить рясу всего лишь год. А когда он захочет уйти, мне придется с ней расстаться. Ведь навсегда он не останется здесь.

И вот, когда они говорили об этом, молодой монах, по прозвищу «Гуан-чжу — Смекалистый» подошел к наставнику и тихо сказал ему:

— Если бы вы, почтенный отец, пожелали оставить себе эту рясу навсегда, все можно было бы легко устроить.

— Что ты хочешь сказать, сын мой? — живо спросил наставник, которого слова монаха привели в восторг.

— Ведь Танский монах и его ученик — простые путники,— отвечал тот.— В дороге им пришлось перенести немало трудностей. Они сильно устали и сейчас крепко спят. Давайте соберем нескольких сильных парней, вооружимся пиками, взломаем дверь в храм и покончим с ними. Трупы закопаем позади храма в саду. Конь и вещи достанутся нам, а рясу можно будет считать наследственной драгоценностью. Нравится вам мой план?

Эти слова привели наставника в еще больший восторг. Он вытер слезы и радостно сказал:

— Замечательно! Прекрасный план!

Тотчас же приготовили оружие. Однако другой молодой монах по прозвищу «Гуан-моу — Сообразительный», духовный брат Гуан-чжу, выступил вперед и сказал:

— Я считаю, что план этот негоден. Чтобы покончить с ними, придется применить силу. Если легко справиться с белолицым монахом, то убить того, у которого лицо обросло шерстью, не так-то просто. А если нам не удастся покончить с ним, неприятностей не оберешься. Я хочу предложить другой способ, который даст возможность покончить с ними, не прибегая к оружию. Не знаю только понравится ли он вам.

— Говори, сын мой,— велел наставник.

— Надо сейчас же собрать всех монахов из келий, расположенных на Восточной горе, и приказать им принести по вязанке сухого хвороста. Придется, конечно, пожертвовать храмом с тремя залами, сложить там хворост и поджечь. Бежать они не смогут и погибнут в огне вместе со своим конем и вещами. Пожар увидят жители гор, и им можно будет сказать, что постояльцы сами были виноваты, так как неосторожно обращались с огнем. И тогда нас ни в чем не заподозрят. Таким образом ряса достанется нам по наследству.

Монахам очень понравился этот план.

— Вот здорово! Ай, ловко! Конечно, так куда лучше! — раздавались голоса. Вслед за этим монахам было приказано принести по вязанке хвороста.

Но увы! Эта затея печально кончилась. Жизнь наставника храма прервалась, а монастырь бодисатвы Гуаньинь превратился в пепел. Надо сказать, что в монастыре было примерно около восьмидесяти келий, в которых проживало человек двести. О том, как в эту ночь обитатели монастыря таскали хворост, обкладывали им со всех сторон стены храма и, заложив все выходы, подожгли, мы пока рассказывать не будем.

Вернемся лучше к Сюань-цзану и его ученику. Итак, придя в храм, они устроились на ночлег и спокойно заснули. Однако Сунь У-кун, как существо необыкновенное, даже во время сна бодрствовал, все видел и все слышал. Когда снаружи слышались шелест и шуршанье, у него тотчас же возникло подозрение.

«Ночь спокойная, тихая,— размышлял он.— Кто же это ходит там? Не иначе, как разбойники, которые задумали погубить нас...» При этой мысли он тотчас же вскочил на ноги и хотел было выйти через дверь, но побоялся разбудить учителя. Тогда он снова прибегнул к помощи своего волшебства и, встряхнувшись, сразу же превратился в пчелу. Поистине об этом можно было сказать:

С узенькой талией, крошечным телом,

Рыльце в меду, а в жале яд —

Сквозь ветви ив подобно стрелам

В поля за нектаром они летят.

Звездам небесным подобны падучим,

Сыплются, сыплются вниз без конца,

И поднимаются с грузом пахучим,—

Плотно на тельце налипла пыльца;

Тонкие крылышки бьются упрямо,

Ноша при ветре для них тяжела...

Выползла из буддийского храма

Маленькая пчела.

Увидев, как монахи, обложив храм хворостом, приготовились поджечь его, Сунь У-кун, в душе смеясь, подумал:

«А ведь прав оказался мой учитель! Они задумали погубить нас и завладеть нашей рясой, вот почему и решились на такое злодеяние. Тут надо было бы поорудовать моим посохом, но это невозможно: учитель снова будет обвинять меня в жестокости. А ведь достаточно одного удара, чтобы перебить их всех. Постой, постой! — обрадовался он.— А почему бы мне тоже не пуститься на хитрость и не сорвать их плана? Ничего нет трудного на их козни ответить кознями».

И, совершив прыжок в воздух, он тотчас же очутился перед Южными воротами неба. Четыре стража — Лун, Лю, Гоу, Би затрепетали от страха при его появлении и почтительно склонились. А небесные военачальники Ма, Чжао, Вэнь и Гуань хором воскликнули:

— Беда пришла! Беда! Парень, который учинил дебош на небе, снова здесь!

Сунь У-кун помахал им рукой и сказал:

— Господа! Оставьте церемонии и не бойтесь меня. Я пришел к князю Западного неба Гуан-моу Вирупакше.

Не успел он этого сказать, как к нему прибыл сам небесный князь.

— Давненько не виделись,— приветствовал он Сунь У-куна.— Слышал я, что бодисатва Гуаньинь побывала у Нефритового императора и просила его послать небесных духов охранять Танского монаха в его поездке в Индию за священными книгами. От нее мы также узнали, что вы стали учеником этого монаха. Каким же образом вы очутились здесь?

— Сейчас мне не до разговоров,— сказал Сунь У-кун.— По дороге мы повстречались с дурными людьми, и они собираются поджечь храм, в котором сейчас находится Танский монах. Ждать нельзя ни минуты. Я явился сюда для того, чтобы попросить у вас колпак для защиты от огня. Дайте мне его поскорее. Мы вернем его вам.

— Вы что-то спутали,— отвечал на это небесный князь.— Для того чтобы спасти монаха, вам нужна вода. Причем же тут колпак для защиты от огня?

— Да вы не знаете всех тонкостей! — воскликнул Сунь У-кун.— Огонь, конечно, можно загасить водой, но этим я лишь помогу нашим врагам. Колпак же защитит Танского монаха от огня, а на остальное мне наплевать, пусть хоть все сгорит. Пожалуйста, не задерживайте меня, я должен как можно быстрее возвратиться на землю.

— Эта обезьяна неисправима,— рассмеялся небесный князь.— Только и думает о себе, а до других ей дела нет.

— Да перестаньте вы болтать! Давайте быстрее колпак,— торопил их Сунь У-кун.— Неужели вы не понимаете, насколько все это опасно!

Не смея возражать, небесный князь передал Сунь У-куну колпак. Сун У-кун взобрался на облако и вмиг опустился на крышу храма. Накрыв колпаком Танского монаха, белого коня и вещи, сам он отправился на задний двор, к покоям, в которых жил наставник, и уселся на крыше стеречь рясу. Увидев, что монахи подожгли хворост, Сун У-кун произнес заклинание и дунул. В тот же миг налетел сильный порыв ветра и огромные языки пламени взметнулись в небо.

Все тонуло в клубящемся черном дыму,

Только пламя порой языками вздымалось,

Прорезая над миром нависшую тьму,—

И на небе звезды ни одной не осталось;

И на тысячу ли над бескрайней землей

Свет пожара разлился тревожный, багряный,
И огонь, что пополз золотою змеей,
Вдруг взметнулся, как конь с окровавленной раной;
Словно в пламени, «Жизни Начало» бурлит,
Бог огня передал ему силу стихии,
И Суйжэнь свое дерево снова сверлит,
Чтобы порохом вспыхнули ветки сухие.
Жар палящий небесных ворот достигал,
Разноцветное пламя гудя бесновалось,
Так, что справиться с дверцами у очага
Даже Лао-цзы мудрому не удавалось.
В небе вихрь раскаленные смерчи крутил,—
Царь его обуздать не сумел бы, пожалуй,
Он ужасного бедствия не прекратил,
А, напротив, способствовал силе пожара.
Пламя крепло от ветра и к небу рвалось,
Вверх на тысячу чжанов поднявшись колонной,
И на небе девятом бессмертным пришлось
Очутиться под пеплом его раскаленным.
И такой оглушительный грохот и треск
Над стихией бушующей там раздавались,—
Словно лопался старый бамбук на костре,
Словно в небе ракеты, шипя, разрывались;
Так огонь разгорелся, что в злобе тупой
Уничтожил священные статуи даже,
И в притворе восточном, собравшись толпой,
Ждали гибели верной несчастные стражи.
Величавою силой огонь поражал,

С ним способны бы выдержать были сравнение

Лишь в чертогах Афан знаменитый пожар

Да еще под Чиби боевое сражение.

Искры плясали в воздухе, казалось, пламя спалит все поля, простирающиеся вокруг. Бушующее море огня вмиг захлестнуло храм бодисатвы Гуаньинь. А что творилось с монахами! Одни тащили сундуки, другие корзины, третьи хватали столы, утварь.

Они заполнили весь двор, издавая жалобные вопли. Только дом, в котором жил Танский монах, охраняемый СуньУ-куном, и храм в переднем дворе, накрытый колпаком, оставались невредимы. Все остальные постройки пылали. Столбы пламени поднимались к небу, вокруг все вспыхивало.

Пожар встревожил обитателей окрестных гор, зверей и чудовищ. Здесь следует сказать, что в двадцати ли от монастыря бодисатвы Гуаньинь прямо к югу находилась гора Черного ветра. На этой горе была пещера, которая также называлась пещерой Черного ветра. В этой пещере жил дух-волшебник.

И вот ночью, переворачиваясь с боку на бок, волшебник заметил, что в окно проникает свет. Подумав, что уже светает, волшебник встал, но, выглянув наружу, увидел в северной стороне пламя пожара.

— Ай-я! — воскликнул волшебник. — Да ведь это горит монастырь бодисатвы Гуаньинь! Какой неосторожный народ эти монахи! Придется отправиться им на помощь.

Тут волшебник сел на облако и вмиг очутился на месте пожара. Море огня ослепило его. Передние храмы были пусты, два ряда строений стояли охваченные пламенем. Волшебник ринулся прямо к месту пожара и стал кричать, чтобы несли воду. Но тут он вдруг заметил, что помещение позади храма уцелело, а на крыше сидит какой-то человек и изо всех сил дует. Он бросился в помещение и увидел, что келья наставника вся в лучезарном сиянии, а на алтаре лежит что-то завернутое в синюю шерстяную материю. Развязав узел, он обнаружил парчовую рясу, которую последователи Будды считали неоценимой драгоценностью.

Недаром говорят, что богатство вызывает алчность. Волшебник мгновенно забыл о том, зачем явился сюда. Он не звал больше никого таскать воду, а, воспользовавшись суматохой, стащил рясу и быстро вернулся к себе в пещеру.

Между тем пожар бушевал всю ночь и лишь к пятой страже, когда начало светать, утих. С монахами творилось что-то невообразимое. Раздетые, они с воплями и рыданиями разыскивали в пепелище остатки меди и железа, разбрасывали тлеющий уголь и искали золото и серебро. Одни покрывали циновками отверстия в стене, пытаясь соорудить себе какое-нибудь убежище.

Другие подносили к обожженным стенам котлы, собираясь приготовить еду. Кругом царили

хаос и беспорядок, раздавались стоны, крики. Однако об этом мы больше говорить не будем. Вернемся пока к Сунь У-куну. Сняв колпак, защищающий от огня, он одним прыжком оказался у Южных ворот неба и, отдавая его Небесному князю Гуан-моу, промолвил:

— Премного благодарен вам за вашу любезность.

— А вы, оказывается, очень честны, Великий Мудрец! — сказал, принимая колпак, небесный князь. — Я, признаться, начал уже беспокоиться, думал, что вы не возвратите моего талисмана и вас теперь не найти. Но, к счастью, вы сами явились.

— Да разве я обманщик какой-нибудь, — обиделся Сун У-кун. — Ведь не зря говорится: «Долг платежом красен». Отдашь вовремя — тебе и в следующий раз одолжат.

— Давненько мы с вами не виделись, — продолжал небесный князь, — может быть, зайдете во дворец, отдохнете немного.

— Не могу. Сейчас не то что раньше, когда я мог свободно ходить по гостям и вести разговоры, — отвечал Сунь У-кун. — Я должен охранять Танского монаха. Так что вы уж извините меня!

И поспешно распрощавшись, Сунь У-кун на облаке спустился на землю и снова увидел над собой солнце и звезды. Очутившись перед храмом, он встряхнулся и, превратившись в пчелу, проник внутрь. Здесь он принял свой настоящий вид и увидел, что Сюань-цзан продолжает сладко спать.

— Вставайте, учитель, уже рассвело! — окликнул его Сунь У-кун.

— А ведь правда, — повернувшись, промолвил Сюань-цзан. Он оделся и вышел. Его взору представились разрушенные, обгорелые стены; ни строений, ни пагод, ни храмов — ничего не было.

— Ай-я, — воскликнул он в ужасе. — Где же храмы?! Почему кругом пепелище?

— Вы все проспали! — сказал Сунь У-кун. — Сегодня ночью был пожар!

— Как же так! — спросил пораженный Сюань-цзан.

— Я охранял этот храм, — пояснил Сунь У-кун. — А вы так сладко спали, учитель, что мне жаль было вас тревожить.

— Почему же ты не спас остальные строения? — спросил Сюань-цзан.

— А для того, чтобы вы еще больше убедились в своей правоте, учитель,— рассмеялся Сунь У-кун.— Как вы вчера сказали, так и получилось. Монахам понравилась ваша ряса, и они решили сжечь нас. Если бы я вовремя не узнал об этом, то сейчас от нас остался бы только пепел да обожженные кости.

— Неужели это они подожгли? — испуганно спросил Сюань-цзан.

— Ну, а кто же?

— Я не хочу обидеть тебя подозрениями, но не твоих ли рук это дело?

— Да что я, разбойник какой-нибудь, что ли, чтобы чинить подобные безобразия,— обиделся Сунь У-кун.— Подожгли, конечно, монахи. А я не только не помог им гасить пожар, но еще и раздул его ветерком.

— О боже! — в отчаянии воскликнул Сюань-цзан.— Всем известно, что пожар гасят водой, зачем же ты вызвал ветер?

— Вы должны знать, учитель,— отвечал Сунь У-кун,— что еще в древности говорили: «Если человек не разозлит тигра, то и тигр не нанесет вреда человеку». Если бы они не устроили поджога, разве стал бы я раздувать пламя!

— А где же ряса? — спохватился Сюань-цзан.— Неужели сгорела?

— Да нет же! — успокоил своего учителя Сунь У-кун.— Целехонька. Келья, в которой она спрятана, не сгорела.

— Я не желаю тебя знать! — сердито закричал Сюань-цзан.— В том, что пожар причинил столько бед, есть доля твоей вины. Сейчас я прочту заклинание, и ты погибнешь!

— Учитель, пожалуйста, не читайте! — в испуге закричал Сунь У-кун.— Давайте разыщем вашу рясу и отправимся в путь.

Сюань-цзан сменил гнев на милость. Взяв под уздцы коня, он повел его, а Сунь У-кун взвалил себе на спину вещи. Они вышли из храма и направились в помещения, находящиеся позади храма.

Когда убитые горем монахи вдруг увидели перед собой Сюань-цзана, ведущего коня, и Сунь У-куна с вещами, у них от испуга душа ушла в пятки.

— Души невинно погибших явились за нами,— истошным голосом закричали они.

— Какие там еще души! — сердито крикнул Сунь У-кун. — Верните нам нашу рясу! Живо!

Тут монахи повалились на колени и стали отбивать земные поклоны, непрерывно причитая:

— Дорогой отец! Ведь всем известно, что у каждого обиженного есть мститель, так же как у каждого должника заимодавец. Вы пришли расправиться с виновниками, но мы к этому делу непричастны. Погубить вас замыслил Гуан-моу вместе с наставником, так что вы уж смилюйтесь над нами!

— Вот скоты безмозглые, черт бы вас побрал! — не вытерпев, воскликнул Сунь У-кун. — Кому нужна ваша поганая жизнь! Говорят вам, верните рясу, и мы отправимся своим путем.

В этот момент два монаха посмелее, обращаясь к Сюань-цзану и его ученику, сказали:

— Почтенные господа! Вы ведь находились в храме и должны были сгореть там. А сейчас вы вдруг пришли и требуете рясу. Кто же вы в конце концов, люди или духи?

— Ну, прямо скоты безмозглые, да и только! — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Да вы пойдите взгляните на центральный храм, а потом будем разговаривать.

Монахи с трудом поднялись с земли и отправились в передний двор. Храм действительно стоял на месте цел и невредим, двери и окна не тронул огонь. При виде этого зрелища монахи затрепетали. Теперь они поняли, что Сюань-цзан — святой, а Сунь У-кун истинный последователь буддизма. Приблизившись к ним, монахи земно поклонились и промолвили:

— И зачем только человеку глаза даны! Не могли распознать праведника, сошедшего на землю. Так знайте, ваша ряса находится в келье наставника.

Проходя мимо разрушенных стен и обгоревших строений, Сюань-цзан тяжело вздыхал. Но келья наставника стояла невредимой. Монахи вбежали туда с криком:

— Почтенный отец! Танский монах — святой! Он не сгорел в огне. Зря сожгли столько добра! Лучше вернуть поскорее рясу.

Между тем наставник, обнаружив, что рясы нигде нет, пришел в отчаяние. Он не знал, что ответить и, не находя выхода из создавшегося положения, решил, что в живых ему все равно не остаться. Тогда он с разбега ударился головой о стену. Удар был настолько силен, что голова несчастного раскололась и из нее хлынула кровь, оросив землю.

Об этом были сложены стихи.

Увы, монаха жизнь была напрасной,

Он прожил много лет — и все ж умрет,
Стремился дерзкий, чтоб священной рясой
Стал обладать его ничтожный род.
Как мыслить мог о рясе драгоценной
Привыкший думать о простых вещах?
И замысел монаха дерзновенный
Был обречен на неизбежный крах!
От Гуан-чжу и Гуан-моу мало толка —
Всех ненавидя, вред другим творя,
Они ошибок допустили столько,
Что вызвали пожар монастыря.

Монахи от горя совершенно обезумели.

— Что нам теперь делать? — причитали они. — Наставник погиб, рясы нигде нет!

— Видно, кто-то из вас, разбойников, спрятал ее, — сказал Сунь У-кун. — Ну-ка принесите мне списки монахов, я проверю! — приказал он.

Смотритель монастырских зданий тотчас же принес две книги, где были записаны монахи, послушники и работники. Всего двести тридцать человек. Сунь У-кун попросил Сюань-цзана занять почетное место и после этого начал по очереди вызывать монахов. Каждого из них он заставлял развязывать пояс и тщательно обыскивал. Но, несмотря на все усилия, рясы обнаружить не удалось. Тогда из всех помещений были вынесены и просмотрены сундуки, корзины и другие вещи. Однако все оказалось бесполезным.

Сюань-цзан, восседавший на возвышении, был до того огорчен и зол на Сунь У-куна, что решил проучить его. Он стал читать заклинание, и в тот же миг Сунь У-кун повалился на землю, обхватил руками голову и, не в силах вынести адской боли, завопил:

— Учитель, остановитесь! Ручаюсь вам, что найду рясу!

Мучения Сунь У-куна повергли в ужас монахов. Дрожа от страха, они повалились перед Сюань-цзаном на колени и умоляли его пощадить Сунь У-куна. Сюань-цзан сжалился. Тогда Сунь У-кун вскочил на ноги, выхватил из уха свой железный посох и ринулся на монахов. Но Сюань-цзан грозно крикнул:

— Глупая обезьяна! Видно, мучения не проучили тебя! Ты снова собираешься безобразничать. Не смей двигаться! И смотри никому не наноси вреда! А теперь ищи рясу!

Между тем монахи, пав ниц и отбивая перед Сюань-цзаном поклоны, говорили:

— Дорогой отец, пощади нашу жизнь! Мы клянемся, что не видели рясы. Все это дело рук старого хрыча. Вчера, увидев вашу рясу, он плакал до глубокой ночи и все не мог налюбоваться ею. Он только и думал о том, как бы оставить ее у себя навсегда и сделать наследственной драгоценностью. И вот он вместе со своим учеником задумал сжечь вас. Когда начался пожар, поднялся бешеный ветер, и все были заняты тем, что старались погасить пламя и спасти вещи. Но куда могла деться ряса, мы понятия не имеем.

Тут Сунь У-кун окончательно рассвирепел. Ворвавшись в келью наставника, он вытащил его труп, снял с него одежду и тщательно обыскал. Но и тут не нашел никакой рясы. Он даже вырыл под кельей наставника яму в три чи глубиной, но там также ничего не было. Тогда, поразмыслив, он спросил у монахов:

— А нет ли здесь поблизости какого-нибудь волшебника?

— Вот хорошо, что вы спросили, мы сами не вспомнили бы об этом! — воскликнул смотритель монастыря. — К юго-востоку отсюда находится гора Черного ветра. В горе есть пещера, которую тоже называют пещерой Черного ветра. В этой пещере живет дух, Черный князь. Покойный наставник часто беседовал с ним. Этот князь — настоящий волшебник.

— А далеко до этой горы? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Да всего двадцать ли, — отвечал смотритель. — Видите вон ту вершину? Это и есть гора Черного ветра.

— Ну, теперь успокойтесь, учитель, — смеясь сказал Сунь У-кун, — больше мне ничего не надо. Рясу, конечно, похитил этот волшебник.

— Да ведь гора эта находится в двадцати ли отсюда, — возразил Сюань-цзан, — откуда же тебе известно, что это сделал именно он?

— Вы не видели, какой сегодня ночью был пожар, — отвечал на это Сунь У-кун. — Пламя вздымалось на десятки тысяч ли вверх. Его отблески достигали третьего неба. Тут не только за двадцать, за двести ли все было видно! Увидев пламя, волшебник тайно прибыл сюда и, заметив вашу драгоценность, решил воспользоваться суматохой и унести ее с собой. Дайте срок, я найду его.

— Как же я останусь здесь без тебя? — испугался Сюань-цзан. — Не бойтесь, — успокоил его Сунь У-кун. — Я позабочусь о том, чтобы вас оберегали духи, и прикажу монахам служить

вам.— С этими словами Сунь У-кун подозвал к себе монахов:

— Нескольким людям накажите закопать труп старого дьявола, а остальные пусть ухаживают за моим учителем и присматривают за конем!

Монахи покорно склонились.

— Но смотрите,— предупредил Сунь У-кун,— в мое отсутствие не вздумайте нарушить своего обещания. Чтобы учитель был всем доволен, а у коня были бы в достатке и вода и корм. Если сделаете хоть что-нибудь не так, придется вам отвесть моего посоха.

С этими словами он поднял посох и с такой силой опустил его на стену, что превратил несколько рядов ее в песок. У монахов от страха даже ноги подкосились и, земно кланяясь, они со слезами на глазах говорили:

— Дорогой отец! Можете спокойно отправляться, мы сделаем все возможное, чтобы достойным образом служить учителю, и не допустим никаких ошибок.

Тут Сунь У-кун совершил прыжок в воздух, очутился на облаке и отправился на гору Черного ветра разыскивать рясу.

Однако о том, удалось ли Сунь У-куну найти рясу и что ему пришлось испытать, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286407>